

New marxism: opportunities and results applications in political science

Zhukovsky, Alexander

Veröffentlichungsversion / Published Version
Zeitschriftenartikel / journal article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Zhukovsky, A. (2012). New marxism: opportunities and results applications in political science. *Modern Research of Social Problems*, 1, 1-16. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-332057>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer Basic Digital Peer Publishing-Lizenz zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den DiPP-Lizenzen finden Sie hier:
<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

Terms of use:

This document is made available under a Basic Digital Peer Publishing Licence. For more Information see:
<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

УДК 32.01

НЕОМАРКСИЗМ: ВОЗМОЖНОСТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ В ПОЛИТОЛОГИИ

Жуковский Александр Георгиевич, доцент,
кандидат технических наук, доцент
Северо-Кавказская академия государственной службы,
г. Ростов-на-Дону, Россия
zhykovskij@mail.ru

Статья посвящена анализу неомарксизма как одного из ключевых методологических направлений политологических исследований. Исторические события века минувшего и наступившего актуализировали творческое наследие К. Маркса и способствовали его переосмыслению, что послужило обогащению политологической науки, формированию в ее методологическом пространстве школ и направлений, развивающих идеи выдающегося немецкого ученого.

Ключевые слова: *методология, политология, политический институт, власть, государство, марксизм, неомарксизм, капитализм, капитал.*

NEW MARXISM: OPPORTUNITIES AND RESULTS APPLICATIONS IN POLITICAL SCIENCE

Alexander Zhukovsky, Associate Professor, Ph.D., Associate Professor
North Caucasian Academy of Civil Service, Rostov-on-Don, Russia.
zhykovskij@mail.ru

The article is devoted to analysis of new Marxism as a key methodological trends of political science research. Historical events of the last century and the ensuing updated the creative legacy of Marx and contributed to its reconsideration, which was the enrichment of political science, development of methodology in its area schools and trends, developing ideas known German scientist.

Keywords: *methodology, political science, political institution, government, State, Marxism, new Marxism, capitalism, capital.*

Вопросы поиска эффективной методологии политологического исследования ставились и решались на протяжении всего существования политологии как науки. Долгое время проблему видели в том, чтобы найти единственно истинную и эффективную в исследовательском отношении парадигму, вследствие чего различные методологические направления рассматривались как несовместимые и взаимоисключающие, то есть речь шла главным образом о необходимости выбора. С другой стороны, существовал и продуктивно развивался историко-дескриптивный подход, заключавшийся в описании и концептуальном осмыслении имеющихся политических учений. Примером такого подхода может служить известная работа У.А. Даннинга «История политических теорий» [1].

По мере дальнейшего развития политологического знания совершенствовалась и методологическая рефлексия в этой сфере. Необходимо здесь подчеркнуть, что она неотделима от общефилософского осмысления специфики политологии, и в этой связи может идти речь, согласно Р.Эшкрафту, о наличии «философской доминанты в политической теории» [2].

Анализ методологического пространства политологии был бы неполным без изучения концепций, базирующихся на основе марксизма и предлагающие его творческое развитие, позволяющее применить марксистский анализ к

условиям современного общества. Данные концепции представляют собой особое направление в спектре политологических исследований. В противоположность ортодоксальному марксизму, в научной литературе принято определение данных концепций как неомарксистских. Как отмечает М.А. Хевеши, «неомарксизм – это особое течение общественной, в том числе философской, мысли 50–60-х годов нашего века, выражавшее тот большой интерес к творчеству Маркса и его философии, который был характерен для этого периода. Речь идет не о новых исследованиях работ Маркса и не о новой интерпретации его творчества... Неомарксизм – это определенное теоретическое устремление найти при помощи Маркса ответы на животрепещущие вопросы современности» [3].

Неомарксизм стал ответной реакцией ряда западных интеллектуалов на вызовы и противоречия XX века, в первую очередь – на приход к власти в ряде государств Европы тоталитарных режимов, что вызвало необходимость в анализе феномена тоталитаризма. Вторым главным направлением неомарксистских исследований стало изучение отчуждения и одномерности человека в современном капиталистическом обществе, в связи с чем потребовалось пересмотреть традиционные марксистские взгляды на пролетариат как субъект революционного преобразования общества.

Неомарксистские концепции, в первую очередь – взгляды представителей Франкфуртской школы, сформировались в 1930-е – 1960-е гг., когда в индустриально развитых странах произошел переход к фордистской и тойотистской моделям организации производства. Для понимания политологической концепции Франкфуртской школы необходимо остановиться на анализе исторического развития общества, который, в частности, был дан М.Хоркхаймером и Т.Адорно в работе «Диалектика просвещения» (1947), посвященной выявлению причин репрессивных тенденций современного

общества в историческом опыте предшествующих эпох. Рассматривая человека как антропологически единый вид, авторы подчеркнули, что если прежде человек был слит с природой, являясь ее частью, то по мере развития разума отношения человека и природы преобразовались, природа стала восприниматься человеком как объект воздействия, которое приобрело форму господства. «Человеческая история, история прогрессирующего овладения природой, - пишет Т.В. Адорно, - продолжает дело бессознательного порабощения природы, ее пожирания, превращения в то, что пожрано» [4, с. 317]. Установление и укрепление господства человека над природой стало определяться как прогресс. Однако, с установлением господства над природой, произошел отрыв человека от природных отношений и, как следствие, отношения господства-подчинения воспроизвели себя на уровне социального.

По мере развития современного капиталистического общества, отмечают Хоркхаймер и Адорно, идеология Просвещения приобрела характер мифа и мифотворчества, поскольку научно-технический прогресс подчинил себе все сферы социального бытия. Господствовавший в качестве идеологической парадигмы раннего капитализма индивидуализм в современном обществе приобрел полностью противоположные черты, поскольку современный человек оказался более не связанным необходимостью осуществления морально-этического выбора, а получил возможность включения себя в шкалу ценностей и стереотипов, господствующих в современном обществе. Равным образом, и объединения индивидов перестали быть коллективами, превратившись в некую аморфную массу, «толпу», состоящую из разрозненных индивидов. В этом обществе, как отмечает современный исследователь З.Бауман, человек утратил контроль над социальными процессами, способность к планированию долгосрочных целей, включая жизненную стратегию, что привело его в ситуацию неопределенности [5, с. 211], в которой управлять им

оказывается намного проще, чем в предыдущие эпохи.

Атомизация общества позволила гораздо более эффективно, чем прежде, выстроить систему господства и подчинения, поскольку разрозненными индивидами, сохраняющими миф о своей индивидуальности, оказалось управлять намного легче, чем людьми, сохранявшими возможность объединения в подлинные коллективы с собственными интересами. Таким образом, в исчерпавшей свои возможности идеологии просвещения как продукте раннего этапа развития капиталистических отношений рациональность приобрела иррациональные формы, превратившись в новую мифологию, позволившую тотально подчинить и закрепить человека.

Как отмечает Г.Маркузе, «ведший ко все более эффективному господству над природой, научный метод стал, таким образом, поставщиком чистых понятий, а также средств для все более эффективного господства человека над человеком через господство над природой... Сегодня господство увековечивает и расширяет себя не только посредством технологии, но именно как технология, причем последняя обеспечивает широкую легитимацию разрастающейся политической власти, которая вбирает в себя все сферы культуры» [6, с. 208]. Таким образом, технологический и научный прогресс рационально обосновывают установление и существование тоталитарного общества.

«Обратным вариантом» позитивизма на практике становился и традиционный марксизм с его чрезмерным акцентированием внимания на экономических аспектах жизни общества. Несмотря на провозглашаемые марксизмом цели освобождения человека и общества, преодоления отчуждения и эксплуатации, практика государств, в которых марксизм оказался в середине XX века господствующей идеологией, свидетельствует о том, что из классического марксизма при некоторой его модификации в ленинистском варианте вырастали не менее жесткие варианты тоталитаризма, чем из

социал-дарвинистских концепций. Истоки толкования марксизма в тоталитарном варианте были заложены уже в работах самого К. Маркса, который предлагал строительство антиавторитарного общества авторитарными методами. Но даже не столько курс марксизма на насильственную революцию и на строительство партии прокладывали дорогу тоталитарным тенденциям, сколько фатализм, вера в необратимость исторического процесса.

Как справедливо отметил по этому поводу французский исследователь К.Касториадис, «разработка марксизма в систематической форме приняла противоположное направление, и в конце концов организованный в теорию марксизм (мы имеем в виду не версии вульгаризаторов, которые тоже имели большое историческое значение, а основные труды Маркса и Энгельса зрелого периода), превратился в антипод того, чем он был в начале. Этот марксизм представляет собой не что иное, как сциентистский объективизм, дополненный рационалистической философией» [7, с. 77].

«Историческая предопределенность», на которой строился марксизм, фактически лишала индивида любой возможности влиять на общество, проявлять свою волю и защищать свои интересы, что трактовалось как проявление индивидуализма и волюнтаризма. Даже пролетарии, которые рассматривались марксизмом как субъект революционных преобразований общества, были призваны осуществлять эти преобразования отнюдь не по собственной воле, а в силу фатальной предопределенности, которая оказывалась выше них и выше их интересов. В этом случае государство, управляемое революционной партией, также получало «естественность» и легитимность в силу самой исторической предопределенности.

Последователи Маркса, в особенности В.И. Ленин, развивший теорию единой и дисциплинированной партии пролетариата как авторитарной и иерархической структуры, в еще большей степени способствовали проявлению

тоталитарных тенденций. На идеал коммунистического общества, о котором писал Маркс, переносились капиталистические принципы организации политической, экономической и социальной жизни с абсолютизацией производства, культом труда, пониманием человека исключительно как производящей единицы, обязанной отречься от любых собственных интересов ради интересов общества, причем последние сводились в реальности к интересам государства, точнее – его правящей партийно-бюрократической верхушки.

Уже к 1930-м гг., когда началась насильственная индустриализация в СССР, марксизм фактически принял на вооружение господствовавшую в капиталистическом обществе модель «общества-фабрики», которая идеально подходила для целей индустриализации и превращения СССР в супер-державу. При этом в странах, где марксистско-ленинские партии оказались господствующими, принцип «общества-фабрики» был воплощен в жизнь гораздо плотнее и масштабнее, чем в капиталистических странах, оставлявших некоторое поле для самостоятельности индивидов. Различия между марксистской и позитивистской парадигмами, господствовавшими в «социалистических» и капиталистических странах, постепенно нивелировались, что не могли проигнорировать многие западные исследователи, в том числе и ориентированные на марксизм. Последние увидели в сложившейся ситуации проявление кризиса марксистского учения, для выхода из которого следовало приступить к частичной модификации марксизма, избавлению его от авторитарных тенденций.

Критическая теория, в отличие от тех марксистских авторов, которые скептически относились к опыту социализма в СССР, но продолжали разделять иллюзии относительно непогрешимости марксизма (например, Л.Д.Троцкий, объяснявший причины происходящих в СССР событий «предательством

революции»), усматривала корни «перерождения» марксизма в тоталитарную идеологию в недостатках самой марксистской теории, которые следовало преодолеть.

По мнению К. Касториадиса, в марксизме исторически сосуществовали две составляющие. Первая, революционная, заключена в работах раннего Маркса и ряда его последователей (Л.Троцкого, Р.Люксембург, Д. Лукача) и характеризуется в понимании философии как средства не объяснения, а изменения окружающего мира. Вторая составляющая, утвердившаяся в качестве официальной версии марксизма, как отмечает Касториадис, «восстановила в правах и укрепила капиталистическое общество и его культуру в их наиболее глубоких тенденциях, даже если это происходило за счет отрицания ряда по видимости (и реально) важных аспектов капитализма. Она соединила вместе социальную логику капитализма и научный позитивизм XIX века. Именно она заставила Маркса сравнить социальную эволюцию с естественным процессом, именно она поставила акцент на экономическом детерминизме» [7, с. 68]. Реализация положений этой второй составляющей марксизма на практике привела к сциентистскому позитивизму, индустриализму и рационализму. Поэтому суть критической революционной теории должна заключаться в освобождении революционной составляющей марксизма и переносе ее в сферу социальной практики.

Представители Франкфуртской школы утверждали, что задача философов заключается в том, чтобы создать критическую теорию общества, способную выявить и объяснить все изъяны современного общества, наметить горизонты исправления этих недостатков и мобилизовать угнетенные слои населения на борьбу за преобразование общества в их интересах. Одновременно критическая теория направляла бы острие своей критики против традиционной теории, т.е. науки. В отношении последней М. Хоркхаймер высказывался как об

упорядочении фактов сознания индивидов, делающем возможным ожидание правильных результатов в правильном месте пространства и времени, причем это определение применялось Хорхаймером как к естественным, так и к гуманитарным наукам. Однако, как утверждает Хоркхаймер, для науки характерна нехватка саморефлексии, поскольку ей самой неизвестны причины, по которым упорядочение фактов происходит именно в таком, а не в каком-либо ином порядке. Для того, чтобы преодолеть это незнание, наука нуждается в критическом отношении как к самой себе, так и к обществу, в котором она существует. Такая наука, наполненная критическим содержанием, становится критической теорией.

Предпосылки такой критической теории содержались в марксизме, но требовалось его творческое развитие, выборочное применение его элементов, а отнюдь не догматическое следование, присущее ленинистской традиции. Выражаясь словами Д.Лукача, на которого ориентировались представители Франкфуртской школы, настоящий марксист должен сохранять верность не содержанию марксизма, а лишь марксистскому научному методу [8, 102-142].

В противоположность сциентизму и экономическому материализму ортодоксального марксизма, критическая теория обратилась к изучению взглядов раннего, «гегельянского», Маркса, чему способствовала публикация в 1932 году прежде не издававшихся «Экономически-философских рукописей» К.Маркса, написанных в 1844 году, т.е. в ранний период его деятельности. Внедрение в теоретический инструментарий Франкфуртской школы антропологического подхода раннего Маркса способствовало развитию анализа капиталистического общества с помощью категории отчуждения, которое, согласно неомарксистам, происходит не только от средств производства (экономический аспект отчуждения), но и от собственного бытия индивида: биологической и физиологической природы, возможности свободного

творчества, в т.ч. творчества своей собственной жизни и строительства человеческого общества.

Современное общество, согласно представителям Франкфуртской школы, характеризуется диктатом некритического рационализма. Разум оказался в плену идеи технического прогресса, что привело к фатализму, к убежденности в том, что человеческое существование, также как и природа, управляется некими объективными и неизбежными законами, изменить и преодолеть которые человек не в состоянии, тем самым оказываясь «пешкой» в руках «железного закона истории» ортодоксального марксизма или позитивистских естественных законов.

В этой связи преодоление недостатков марксистской теории Маркузе усматривал в разрушении концепции исторического прогресса, согласно которой основы будущего общественного строя всегда находятся в настоящем. Для подлинной радикализации социальной критической теории необходим разрыв с предшествующей социальной системой. Как отмечает Г.Маркузе, «в развитой индустриальной цивилизации царит комфортабельная, покойная, умеренная, демократическая несвобода, свидетельство технического прогресса...» [6, с. 11]. Далее Маркузе утверждает, что сама структура современного индустриального общества позволяет определять его как тоталитарное, подчеркивая, что в данном случае под тоталитарным подразумевается не только режим жесткой диктатуры, управляющей военно-террористическими методами, но и «демократическое» на поверхностный взгляд экономико-техническое координирование, которое осуществляется посредством культивирования потребления, навязывания ложных потребностей и манипуляции сознанием [6, с. 4-5].

Важным выводом Маркузе является его утверждение, что «освободить воображение и вернуть ему все его средства выражения можно лишь через

подавление того, что служит увековечиванию репрессивного общества и что сегодня пользуется свободой. И такой переворот – дело не психологии или этики, а политики» [6, с. 328-329], которая понимается в качестве практики, осуществляющей развитие, поддержание и модификацию существующих социальных институтов.

Более поздний и переработанный вариант неомарксистской критической теории предложил Ю. Хабермас – представитель младшего поколения Франкфуртской школы. Принимая важнейшие положения Маркса и подчеркивая необходимость в реконструкции теории исторического материализма, Хабермас, тем не менее, сделал из анализа марксизма определяющий вывод о том, что Маркс проигнорировал различия, существующие между трудом и социальным взаимодействием, оставив последнее без внимания. Ограниченность марксизма заключается в том, что деятельность человека он сводит исключительно к его трудовой активности, игнорируя все остальные многочисленные аспекты человеческого существования.

Несмотря на расхождения, концепции Маркса и Хабермаса сближаются, как указывает Т.А.Алексеева, самим фактом существования у обоих философов основной идеи [9, с. 296-297]. Только если у Маркса за цель основной идеи берется построение коммунистического общества без классовой дифференциации и частной собственности, то для Хабермаса основная идея сводится к устранению факторов, препятствующих коммуникативному действию, при этом критическая теория в понимании Хабермаса становится неким подобием психоанализа на социальном уровне, поскольку пытается осуществить помощь людям в преодолении преград, возникающих на пути свободной коммуникации.

В политическом плане наибольший интерес представляет выдвинутый

Хабермасом концепт «общественности», основанный на противостоянии демократического общества с одной стороны частнобственническим буржуазным интересам, а с другой стороны – авторитарным и тоталитарным тенденциям, которые, так или иначе, имеют место и в современном обществе. Как отмечает Н.В.Мотрошилова, «в произведениях Хабермаса постоянно имеются в виду и анализируются основные опасности, угрожающие спонтанному процессу формирования самоопределения свободной «общественности» [10, с. 150]. К этим угрозам философ относит, в первую очередь, инфильтрацию в структуры «общественности» индивидуальных и групповых интересов частнобственнического и тоталитарного характера. Во-вторых, в качестве несомненной угрозы свободной «общественности» рассматривается бюрократическое государство, действия которого всегда направлены если не на прямое ее подавление, то на использование ее для упрочения своего положения. Существенная опасность, впрочем, заключается и в самой свободной «общественности», будучи обусловленной ее спонтанностью, которая может привести к разрозненности и аморфности социальных движений и структур, что само по себе вызовет ослабление «общественности». Наконец, внутри самой «общественности» могут возникнуть деструктивные индивидуальные и групповые интересы, которые, в конечном итоге, приведут к ее бюрократизации.

Хабермас, критически переосмысливая работы Маркса и Энгельса, пришел к выводу о необходимости расширения понятия «политического» за счет включения в него сферы коммуникации между индивидами и группами индивидов, в которой, как утверждает философ, заложен большой эгалитарный потенциал [11, с. 43].

Проблема ликвидации отчуждения и эксплуатации находилась в центре внимания не только представителей Франкфуртской школы, но и ряда других

исследователей, которых также можно отнести к неомарксизму, или, что будет более точным, к критическому марксизму, развивавшемуся под влиянием других философских концепций, в первую очередь - экзистенциализма.

Происходящие конце XX века в мире глобальные социально-экономические, политические и культурные изменения способствовали значительному расширению неомарксистской политической теории за счет привлечения элементов других направлений современной политической философии и политологии. Больше всего точек соприкосновения наблюдается у неомарксизма с рядом постмодернистских концепций. Известно, что многие постмодернистские философы либо являлись марксистами в определенный период (Ж. Бодрийяр, Ж.Ф. Лиотар), либо так и остались ими, подчеркивая свою марксистскую политическую и теоретическую ориентацию (Ж.Делез, Ф.Гваттари). Ряд неомарксистских исследователей предпринял шаги к сближению неомарксизма с постмодернистскими построениями.

Мы можем подвести некоторые выводы, характеризующие неомарксистские концепции как отдельную парадигму в современном политологическом исследовании. Прежде всего, отметим, что неомарксизм является критической теорией не только по отношению к современному капиталистическому обществу, но и по отношению к ортодоксальному марксизму, положения которого он подвергает критике и переосмыслению. Неомарксизм выступает против исторического объективизма, содержащегося в ортодоксальном марксизме, поскольку видит в нем, равным образом, как и в рационалистической и прогрессистской ориентации марксизма, одну из модификаций позитивизма, которая в сфере практической политики ведет к индустриализму, технократии и тоталитаризму.

Неомарксистские концепции, несмотря на некоторую категоричность и неоднозначность, оказали существенное влияние на современную

политическую мысль, причем не только левого и леворадикального направления. Происходящие в современном обществе социально-политические процессы во многом подтверждают правоту исследователей, работающих в неомарксистском направлении.

Подводя итог данной статьи, необходимо сделать ряд выводов. Неомарксизм позиционирует себя как альтернативную всем видам позитивизма и объективизма, гуманистическую парадигму политологического исследования. Дистанцируясь от традиционного марксизма с его объективистским экономическим детерминизмом в понимании политики, от позитивизма с его универсализацией естественнонаучной модели знания и ее критериев достоверности, неомарксистская парадигма ориентируется на субъектно-антропологический подход к политическим феноменам, рассматривая их с точки зрения соотношения свободы и репрессивности, самоотчуждения человека в условиях различных политических режимов и утраты им своих бытийных измерений, деформации естественных для человека инстинктов в современном обществе. Противостояние позитивизму выражается здесь в возвращении к категориальному аппарату философии и ценностного подхода, преодолении и критике эмпирической ориентации политического знания, сильной доминанте социального и политического критицизма. Присущий неомарксизму антирационализм проявляется в отходе от марксизма и концептуальном сближении с теорией психоанализа на базе трактовки рациональности как инструмента подавления.

Методологическая ограниченность неомарксизма определяется его негативизмом и гиперкритицизмом, граничащими с социальной деструктивностью, отсутствием эмпирического уровня исследования при чрезмерно сильной философской доминанте. Его преимуществами являются продуктивное взаимодействие с психоаналитическими направлениями,

внимание к человеческой личности и признание ее определяющего места в политических процессах как ключевой ценности, более значимой, чем власть и групповые политические интересы. Универсальный критицизм неомарксизма является препятствием для его эффективного комплементарного взаимодействия с объективистски ориентированными парадигмами, однако имеет место его сочетаемость с современной философией (экзистенциализм) и ее политическими импликациями, с постмодернизмом в политологии.

Литература

1. Dunning W.A. A History of Political Theories In 3 Vols. NY, 1902, 1905, 1920.
2. Эшкрафт Р. Политическая теория и проблемы идеологии // Политическая теория в XX веке. М., 2008. С. 366-367.
3. Хевеши М.А. Неомарксизм и его место в истории западной философии XX века // <http://commune.narod.ru/marxism>
4. Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003.
5. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005.
6. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. М.: REFL-book, 1994.
7. Касториadis К. Воображаемое установление общества. М.: Гнозис Логос. 2003.
8. Макаренко В.П. Марксизм: идея и власть. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1992.
9. Алексеева Т.А. Современные политические теории. М.: РОССПЭН, 2001.
10. Мотрошилова Н.В. О лекциях Ю.Хабермаса в Москве и об основных

понятиях его концепции // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992.

11. Хабермас Ю. Философский спор вокруг идеи демократии // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992.

Рецензент:

Старостин А.М., доктор политических наук, профессор